
Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

ДЯДЯ КОСТЯ. ЧЕКИСТ И ПИСАТЕЛЬ

В 1951 году никому не известный в Ленинграде писатель Константин Коничев переезжает из Архангельска на берега Невы и становится главным редактором Лениздата. Жилье получает на Дворцовой набережной, с видом на Петропавловскую крепость. Почему? За какие такие заслуги перед советской литературой?!

В 1935 году в Архангельске организовали региональное отделение Союза писателей СССР. Первым руководителем писательской организации стал ставленник Северного краевого комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) Николай Попов, к литературе имевший косвенное отношение. В 1937 году ему на смену пришел уже писатель, имевший, однако, отношение не только к литературе. Это Константин Иванович Коничев.

Чтобы не сведущий относительно скромного таланта Коничева читатель получил представление об этой личности, лучше всего, на мой взгляд, сослаться на мнение Федора Александровича Абрамова. О своем коллеге он сказал:

«Лучшее — скоморошины, которые давались ему без всяких усилий. А сам он смотрел на них как на забаву и главным делом своим считал высокопатриотические биографии русских деятелей культуры и искусства. (Они мало известны.)

Живо написаны у него рассказы „Из моей копилки“... Самородок. Но самородок не обработанный».

Среди «высокопатриотических биографий» — «Повесть о Верещагине», вышедшая в 1956 году в Лениздате. Произведение благожелательно отметили в 1957 году в рецензиях журналы «Новый мир» (№ 1) и «Октябрь» (№ 3), названия публикаций «Силен старик!» и «Биографическая повесть». «Новомирец» подчеркнул, что в новой работе Коничева «содержатся неопределимые сведения о некоторых важнейших фактах в развитии нашей художественной культуры», а «октябристу» понравилось, в частности, что Коничев написал о поездках знаменитого художника «по родной стране, главным образом по северу, открывавшему ему сокровенное в народных типах, народной жизни, русской природе и архитектуре».

«Повесть о Федоте Шубине», выдающемся скульпторе, холмогорце, — это тоже Коничев.

«Из моей копилки» — короткие автобиографические рассказы, книгу с таким названием Константин Коничев (1904—1971) увидеть не успел, она вышла в Архангельске вскоре после его смерти. Открываю ее страницы.

Сергей Николаевич Доморощенов родился в 1952 году в Архангельске. В 1975 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор десятка книг очерков, интервью, рассказов, среди них — «Неоконченный спор», «Свеча Николаю Угоднику», «Я немножко тоже Русь», «Великий счастливый. Биография Федора Абрамова». Живет в Архангельске.

Родился будущий писменник (любимое словцо Абрамова) на Вологодчине, в деревне Поповское Устье, исчезнувшей с лица земли еще при жизни писателя. Очень рано остался паренек без родителей. Учебу в церковно-приходской школе опекун выдержал, но по окончании Костей этого заведения с похвальным листом посадил жильца на табуретку и «заставил тачать голенища». А жизнь у сапожника, как известно, несладкая.

Несладко было Константину долго. Выбиться в люди помогала грамотность. Он стал первым помощником председателя комитета бедноты. «...Был преисполнен особой важности, когда единственный во всей деревне мог гладко писать протоколы и прошения». (По его прошению военному начальству красноармеец был отпущен с Северного фронта домой на время весеннего сева.) А потом Коничев взялся и за стихи, заметки.

Угрожают нас согнать
К площади базарной,
Обещают нас повесить
На столбах фонарных.

Если ты, товарищ,
Не хочешь в петле быть, —
Надо всех буржуев
Скорее придушить.

А чтоб не обижали
Трудящихся крестьян,
Давайте перережем
Попутно и дворян.

Автору сказали, что «ни одного дворянина нет за сто верст отсель». И другие контр-аргументы против стихотворных прокламаций привел Коничеву местный учитель, но убеждений стихотворца не поколебал.

Не случайно в 1940 году Константин Коничев заочно окончил Литературный институт.

Одна из черт его характера — с людьми сходилась легко, наделен был, похоже, некоторым обаянием. Вологодский литературовед Виктор Гура знал его «подвижным и энергичным, как говорят, легким на подъем, полным жажды все знать, особенно о родном Севере...» (из послесловия к рассказам «Из моей копилки»).

Биография Коничева богатая. В 1960 году северный писатель Иван Полуянов написал внутреннюю рецензию на повесть Коничева «В минувшие годы» — о событиях 1930 года. «Образ чекиста, затем строителя инженера Ивана Рудакова — центральный в повести. Иван — характерный представитель молодежи тех лет, человек, преданный партии и народу. ...Он вдумчив, смел, стремится к знаниям, не по годам осмотрителен в своих поступках, чист душой, живет богатой духовной жизнью. Первые главы, показывающие Ивана на трудной работе чекиста тех лет, подкупают безукоризненным знанием автором жизненного материала».

Есть в рецензии и другие лестные для ленинградца строки. Но прочитал он и следующее: «И все же читатель вправе спросить с автора „Повести о Федоте Шубине“ и „Деревенской повести“ гораздо больше, чем представленная в издательство рукопись. ...К. Коничеву нужно бы еще и еще раз пройти по рукописи с пером — где-то сократить, где-то, наоборот, развить то, что намечено... Автор отвалил эту такую громадную

глыбищу, от души потрудились над ней, многое проявил достаточно свободно, ярко, самобытно, но глыбища велика, тверда, а резец часто тупился, и автор, в увлечении, этого не замечал».

Может, и некогда было Коничеву точить «резец», — писал он много, едва не взхлеб, какой есть резец, такой и есть, не обессудьте.

Не случайны, я думаю, слова рецензента о «безукоризненном знании» Коничевым материала. Наверно, в сравнительно небольшом в ту пору Архангельске было известно и о службе Коничева в «органах» (с 1927-го по 1935 год включительно, годы указал в автобиографии, которая хранится в фонде писательской организации Госархива Архангельской области. — С. Д.), и о связи с ними, которая не прекращалась. Как известно, чекистов бывших не бывает. И не за красивые глаза получил в 1951 году недавний руководитель архангельской писательской организации К. И. Коничев хорошую должность в Лениздате (недолго удерживался на ней, оставил ее уже в 1953 году) и жилье в центре города.

В 1964 году в Архангельске вышла книжка Коничева «Из жизни взятое». Открыла ее документальная повесть «В году 30-м». Главный герой по фамилии Судаков (изменил Рудакова на Судакова), сотрудник ГПУ, списанный с автора, принимал в Вологде эшелоны со спецпереселенцами, в городе людей сбивали в колонны по 700 человек и отправляли за сотни километров в намеченные необжитые места. Шли они себе с песнями (Гей, долиною, Гей, широкою, Ко-о-озаки идут!)... Такая бодрая повесть — в духе лидера лакировочной прозы, лауреата Сталинских премий Семена Бабаевского — с вкраплениями дозволенной правды: да, мол, были перегибы, но это же не главное...

«...Многие из спецпереселенцев как-то просияли, увидев землю и почувствовав ее незатронутую благодарную мощь.

— Дайте нашему брату полную волю, мы и здесь куркулями будем!

...— Кажись, жизнь будет...

— Да, есть к чему руки приложить.

— И сердце!.. — добавил Охрименко. Глаза его улыбались, глядя на Судакова».

Два поселки были поставлены «живым манером».

«— Неповторимое время!.. — снова сказал секретарь крайкома, — подчеркивая значимость этих слов. — Незабываемое время».

Секретарь крайкома — вполне реальный, Сергей Адамович Бергавинов. О том, что он будет репрессирован, — вскользь.

Судаков из ГПУ, будущего КГБ, был за оплошность уволен, но оставлен в запасе.

А не за письменным столом тот же Коничев вел другие рассказы, слышанные Сергеем Викуловым, поэтом и прозаиком, будущим главным редактором журнала «Наш современник». Земляки гуляли по Вологде, Коничев бывал экскурсоводом:

«А вот в этой церкви нары были возведены аж под самый купол, в четыре этажа. И людишек на них, как муравьишек, втугую... Холодно, голодно, смрадно...»

Умирали не люди, «людишки»...

Этот рассказ Коничева — из книги Сергея Викулова «На русском направлении».

Свою книгу «Из жизни взятое» Коничев подарил в 1964 году Абрамову. В подписи первое слово «Многогрешный...».

Казался он бодрячком и весельчаком. Но, может быть, плакал, вспоминая тридцатые годы...

Первый заход Коничева в руководители архангельских писателей пришелся на 1937—1941 годы. Будет он писательским начальником и после Великой Отечественной войны.

Сына Константин Коничев назвал в честь главы ВЧК Дзержинского — Феликсом.

Кто из коллег был рядом с Коничевым до «сороковых роковых», во времена тотальных политических репрессий? В частности, Степан Григорьевич Писахов.

Художнику и сказочнику Степану Писахову — сыну ювелира, владевшего в Архангельске в свое время магазином и двумя домами, — жилось очень непросто. 12 февраля 1939 года Степан Григорьевич писал одному из своих адресатов:

«Коничев — уполномоченный Союза сов. писателей очень меня поддерживает. Весной я просто смалодушествовал и хотел покончить с собой. Коничев заставил меня выкинуть эту затею».

Кстати, вчера я его избил. Шли мы по улице. Зимний день близь вечера, освещение солнечное теплющее, небо синее сгустилось, а белый каменный дом розовел, мягко в сиреневый тон переходил, а Коничев твердил: „Не вижу!“. Ну, я его помял, повбивал в него внимание к красоте. Не знаю, как ему, а мне легче стало».

Публиковал свои вскоре ставшие знаменитыми сказки Степан Писахов с 1924 года: первая из них, «Не люблю — не слушай...», вышла в сборнике Архангельского общества краеведов «На Северной Двине». Но первая книга сказок издана в Архангельске только через 14 лет. А почему не раньше? Издательству нужен был положительный отзыв. Однако приходил сказочник, к примеру, в «Правду Севера», главную газету региона, а там отговаривались: «У нас нет знатока сказок, чтобы дать отзыв...» Тем не менее книга, составленная из сказок, напечатанных в Москве и Архангельске, все же появилась — под редакцией Коничева. И не без участия уполномоченного (так в то время называлась должность писательского шефа) Писахов принят в 1939 году — с одной книгой — в Союз писателей.

«Мягь» Писахов будет не только Коничева. Весной — летом 1959 года в его доме на Поморской, 27 (увы, несохраненном) — точнее, в комнате, в которой он родился и прожил почти всю жизнь, — вели ремонт. Вьюшки додумались сделать под потолком, а Писахов-то ростом был совсем мал. Вот что в связи с этим писал он 5 июня 1959 года своему биографу Н. Л. Сахарному: «Встретил Суфтина. С ним шагал приятный человек (в ту пору Г. И. Суфтин возглавлял писательскую организацию. — С. Д.). Я высказал Суфтину свой страх. Подниматься под потолок! Спутник оказался из обкома. Сказал, что „поговорит“. Я трахнул его по спине. Встретился еще один. Суфтин ушел. Прибавившийся оказался пред. исполкома. Я его не бил. Нет. Рассказал про английскую корону, задержал только часа на полтора или два. Авось защитят».

А почему же Степан Григорьевич хотел покончить с собой? С немалой долей вероятности можно говорить, что «там, где надо», напоминали Писахову о его грехах: аукцион по продаже его картин в пользу белых офицеров, эскиз знамени белогвардейского полка, публикации в газетах, издававшихся во время интервенции, — «Возрождение Севера» и «Северное утро», заметки с фронта и даже выстрел из пушки в сторону позиций красных. Попросил стрельнуть — давай!.. Симпатии в тех заметках к интервентам не было. А было сочувствие к русским мужикам, мобилизованным в Белую армию. Но разве это интересовало бы следствие и скорый суд, если бы художника и сказочника решили упечь в места, не столь отдаленные, или — того хуже... Однако и тут могло иметь значение слово чекиста Коничева. Хотя можно предположить и другое: вот если бы групповое дело можно было «сшить» из Писахова, — но он мало с кем общался... К местным художникам относился высокомерно, если не презрительно. Говорил, что они не рисуют и не пишут, а малюют; как живописец состоял на учете в Ленинградском отделении Союза художников СССР. К слову, и живописи Писахов учился в городе на Неве, тогда еще в Петербурге. В училище барона Александра Штиглица (ныне, как известно, это Государственная художественно-промышленная академия имени Штиглица).

Те или иные коллизии, трудности жизни Писахов компенсировал своими фантазиями, завиральными сюжетами. Как, например, в «Мороженых волках»: «Мы без губернатора, без полицмейстера да без архиерея с полгода жили — отдышались малость».

Однажды во время интервью с архангельским «набольшим вельможей» я привел эту цитату, спросил: дескать, без вас бы тоже с полгодика пожить — может, отдышимся малость? Юмор не был принят. Завышенная самооценка привела к тому, что наш «большой мужик» с должности слетел, а пользы Архангельской области мог бы еще принести...

В XXI веке северная поэтесса Галина Рудакова написала стихотворение о Писахове:

На картинах, что пишет он —
Дикий Север, ветрам распахнут.
Бесконечно в него влюблен
Живописец Степан Писахов.

Пишет кистью снега и лед,
А при встречах все точит лясы:
Сказки, как туеса, плетет
Из метелей-вьюг свистоплясок.

На Поморской он всем знаком —
Старец в шляпе широкополой,
С бородой седой, с посошком...
А ведь он сравнительно молод!

Так одет он не для затей —
Сей наряд лишь скрывает бедность.
Тешит добрый колдун детей
Сказкой, выдуманной намеренно.

...В тусклых отсветах фонарей
Он домой спешит в сутеменках,
Чтобы там улететь поскорей
В мир фантазий своих неумных,

Чтоб по небу лететь в санях,
Обгоня сияний стаю...
И морожены песни звенят,
По весне в небеса взлетая...

Эти рассказы для него —
Словно сумерек свет малинов.
Перенял он сие волшебство
У сказителя Сени Малины...

Словно строчки, в снегу следы.
Весь в сумах,
Архангельск дремлет.
А воспевший снега и льды —
Врос он яблоней в эту землю.

Подарил нам россыпью звезд
Красоту старопрежней речи,
Полушалонок зари в мороз
Он накинул Уйме на плечи.

Неточно насчет Сени Малины — Писахов был сам с усам. С прототипом Сени Малины, Семеном Михайловичем Кривоноговым из деревни Уйма, встретился один раз, в 1928 году.

Писателя Николая Аурова Константин Коничев тоже хорошо знал...

В феврале 1937 года Аурову, у которого вышла еще только первая книга, было двадцать девять лет. Тридцать лет исполнилось 17 декабря того же года уже в ГУЛАГе, куда его отправили на пять лет по решению внесудебного органа, Особого совещания, «за циничные контрреволюционные измышления по адресу вождя партии», как написано в обвинительном заключении. Расследование было стремительным. Срок отбыть уроженцу села Малошуйка Онежского уезда Архангелогородчины не удалось: Ауоров умер 1 декабря 1941 года. Похоронен на кладбище поселка Одинокый Ягодинского района Магаданского области.

Что за «клеветнические слухи»? Анекдот о Сталине: один писатель говорит «вождю народов», что готов поцеловать его. Всесильный человек то ли шутит, то ли издевается: «В какое место?»

Донос поступил от своего «брата-писателя».

Уж если искать «контрреволюцию» в высказываниях журналиста «Правды Севера», только еще раскрывавшего свой писательский потенциал, то надо было бы внимательно прочитать, например, рассказ «Жизнь», опубликованный в журнале «Звезда Севера» (1935, № 8). Старик саам размышляет: «Кто прожил без счету лет, тот знает, что, когда одни люди строят и богатеют, приходят другие люди, и трещат выстрелы, горят дома и темной кровью пропитывается белый боровой песок. Так было — кто не помнит безглазых людей, повисших грудью на колючей проволоке, и других, роющих могилы, и третьих, заряжающих пушки? Так было и так будет опять, потому что сильнее жизни и смерти, сильнее любви к отцу, жене и детям людская жадность и зависть...»

Это что же, должны были сказать бдители: революция совершена из жадности и зависти, а не из желания справедливости?! Ну-ка разобраться надо с Ауоровым — уже разбирались с этим троцкистом, однако, значит, до конца не довели дело!.. Доведем. (Заподозрив в троцкизме, Ауорова, принятого в «Правду Севера» в августе 1933 года, уволили из нее в мае 1934-го; в начале 1937 года снова приняли. Оказалось, лишь на три месяца.)

Припомнили Н. П. Ауорову и биографию: отец — раскулаченный судостроитель и судовладелец.

После обыска чекисты унесли, в частности, восемь блокнотов рукописи «История нашей семьи» Петра Афанасьевича Ауорова, отца писателя, шахматы, деньги — 74 копейки.

Когда при Горбачеве открыли архивы ГПУ—НКВД—КГБ, в деле Ауорова исследователи видели донос Коничева. Потом пришли другие времена, фамилии доносчиков исследователям не узнать.

Первым о трагической судьбе Николая Ауорова рассказал авторитетный архангельский историк Е. И. Овсянкин. Заканчивая свой очерк «Цена анекдота» («Правда Севера». 13 февраля 1997 года), он написал:

«Может быть, онежанам стоит подумать об увековечении памяти писателя на его родине, а областной писательской организации — об издании его произведений, заслуживающих внимания современного читателя».

Писательской организацией пожелание выполнено. Переиздание сделано: в 1999—2000 годах в литературно-художественном альманахе «Красная пристань» (редактор Михаил Попов) — повесть «Под полуночным солнцем» и в «Избранном» — сборнике, составленном библиографом Л. Е. Каршиной и доктором филологических наук Е. Ш. Галимовой и выпущенном Архангельской областной научной библиотекой имени Н. А. Добролюбова в 2014 году в серии «Северная библиотека».

Цитата из вступительной статьи Елены Галимовой:

«Вера в жизненный потенциал, мощную витальность народа сближает прозу Николая Аурова с творчеством Бориса Пильняка и Евгения Замятина (особенно — с рассказами Замятина о поморах), но его физиологизм, пожалуй, более облагорожен нравственным чувством, чем у этих самых популярных в двадцатые годы писателей. Не „звериная правда жизни“, не борьба инстинктов и жестокое буйство страстей, а благородная красота душевно чистого и сильного человека в центре внимания Аурова».

В 1960 году Николай Петрович Ауров реабилитирован.

Рядом с К. И. Коничевым был и Т. П. Сеницын, член Союза писателей СССР с 1936 года.

История о том, как появился псевдоним Сеницына, похожа на миф (но дочь Тимофея Петровича Полярина Тимофеевна Сеницына уверяла, что так и было): в 1929 году, пытаясь избавиться от очередных притеснений, северянин поехал в Москву — искать заступничества у самого «всесоюзного старосты», главы Центрального Исполнительного Комитета СССР Михаила Калинина. Дождался наш земляк приема, Калинин его выслушал, взялся помочь первому учителю ненецких детей и писателю, но сказал, что, дескать, пока суд да дело, возьми-ка ты, парень, какое-нибудь вымышленное имя — жить-то надо. Так и стал Сеницын Пэлей Пунухом: пунушка, пунух — маленькая птичка, заполярный воробей, меньше синички, предвестник весны, прилетает в Арктику с юга раньше всех птиц. Псевдоним выбран точно.

(На желании Калинина помочь Сеницыну могло сказаться то, что в кабинете «старосты» висели две картины Степана Писахова, попавшие туда с большой московской выставки «X лет Октября»: хороший художник Писахов — может, и ты хороший парень... Но, возможно, Калинин и Писахов хорошо пообщались на выставке?)

А притеснений было немало, что неудивительно при биографии Тимофея Петровича Сеницына.

Родом он из деревни Демидовской Шенкурского уезда Архангельской губернии, из многодетной семьи, рано оставшейся без кормильца. Шестеро детей у вдовы... Тем не менее Тимофею удалось выучиться, и не только в школе, — в 1913 году он окончил учительскую семинарию, куда принимали выдержавших конкурсные экзамены. Учительствовал на Шенкурской земле и в Архангельске. В 23 года, летом 1917-го, вступил в партию правых эсеров, в 1917—1918 годах входил в губернский совет крестьянских депутатов, во временную земскую управу, редактировал газету «Воля Севера» — орган губсовета крестьянских депутатов и Союза потребительских обществ.

Правоэсеровская партия летом—осенью 1917 года была самой влиятельной в Архангельской губернии. «Их руководители с подавляющим перевесом победили большевиков, кадетов и меньшевиков во время выборов в Учредительное собрание», — написал Евгений Овсянкин. Активист этой партии Тимофей Сеницын честно искал смысл крутых перемен, происходивших в России.

При интервентах Сеницын продолжал преподавать в образцовом училище при Архангельской учительской семинарии — не проявил себя как борец с ними, не пострадал от них. В общем, «грехов» нашлось немало, и осенью 1920 года он был арестован в первый раз — в то время проводилась всероссийская акция против антисоветских партий. В тюрьме провел пять месяцев. В 1921 году опять арестован, так как имел отношение к Шенкурскому восстанию (в 1918 году вместе с земляками противился мобилизации в Красную армию), но приблизительно через год опять его простили — подобных антисоветчиков уже амнистировали, хотя восстание и было, по словам того же Е. И. Овсянкина, «самым крупным вооруженным волнением крестьян губернии в первые месяцы Советской власти». О нем даже было известно Ленину.

В сентябре 1925 года глава Комитета содействия народностям северных окраин при губисполкоме Николай Сапрыгин предложил Тимофею Сеницыну поехать на Новую Землю, чтобы создать там школу-интернат для ненецких детей. Сеницын согласился потому, не исключено, что опасался «новых неприятностей» (а старый большевик Сапрыгин, зная бывшего эсера, хотел ему помочь). И отправился Тимофей Петрович, у которого в активе был почти десятилетний учительский стаж, в дальний путь с беременной женой; через неделю после прихода парохода на Новоземелье она родила дочь, которую назвали Поляриной.

В Арктике Тимофей Сеницын стал «первопроходцем ненецкой темы» во всей советской литературе. Его отчет о двухлетней работе в Новоземельской школе, а также в школе-интернате для ненцев в русском селе Нижняя Пеша, прочитанный в Комитете содействия народностям северных окраин тем же Н. Е. Сапрыгиным, был написан в очерковой форме; он так понравился — в Архангельске, а затем в Москве, — что в 1928 году опубликован в столичном журнале «Народный учитель». В том же году очерки стали книжкой «Под вой пурги».

К Михаилу Калинину ездил Тимофей Сеницын потому, что его на «большой земле» причислили к «белым офицерам» (а он ни в какой армии не служил из-за сломанной в детстве руки), лишили избирательных прав, а у «лишенца» — сложности с хлебной карточкой, с поиском работы.

В 1933 году северянин получил письмо от самого А. М. Горького: тот и хвалил младшего собрата (диалоги понравились), и критиковал (над языком надо работать).

В 1937 году Пунуха опять арестовали — «за разлагательную работу» в редакции газеты «Наръяна Вындер» («Красный тундровик»), откуда был уволен, а затем — за «контрреволюционную пораженческую агитацию» в Колоколковской ненецкой школе. Но до суда дело не дошло — можно думать, что Тимофей Сеницын пошел на сделку со следствием.

В 1938 году семья Сеницыных приехала в Архангельск, здесь обосновалась. Но глава семьи в конце сороковых — начале пятидесятых годов снова будет трудиться в Заполярье на ниве народного образования.

Лучшие свои вещи писатель Пэля Пунух написал в двадцатые — тридцатые годы, до третьего ареста.

В апреле 1948 года ответственный секретарь Архангельского отделения Союза писателей СССР Константин Коницев хлопотал перед руководством Литфонда о пособии «для жены и двух учащихся детей Сеницына Т. П., которые в средствах крайне нуждаются». Сам Пунух в это время уже год находился в «творческой поездке на Новую Землю»: работал там над новой повестью. «Одновременно», как написано Коницевым, Пунух учил грамоте детей ненцев.

В 1952 году на повестке дня собрания в писательской организации стоял вопрос о творческих планах: кто над чем работает. Пэля Пунух сказал: «Хочу написать рас-

сказ „Сталин в чуме“». А вожьд вскоре отправился в лучший мир, план, к радости писателя, не реализован... Остается гадать: что за Сталин был бы в чуме — как портрет или реальный?

Председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, руководивший этой общественной организацией в 1994—2018 годах, сказал в своей статье «Нравственно управлять обществом» («Наш современник». 2014. № 8), что слышал много рассказов о том, как Сталин «осторожно, через писательские авторитеты М. Горького, Л. Леонова, К. Симонова, А. Суркова, А. Фадеева... формировал отношение к литературе. Его задачи, несмотря на разность эпох, сливались с замыслом Екатерины II при помощи литературы „нравственно управлять обществом“».

Сочетается ли нравственность с доносами, арестами, пытками, ссылками, расстрелами?..

Сам Коничев в те же сталинские годы тоже жил под страхом ареста, при «необходимости» и его могли не пожалеть. Славы не славы советскую власть, думай о ней так или иначе, конец может быть один и тот же.

Отбывавший ссылку в Архангельске, а прежде в крохотном приполярном городе Мезень поэт и прозаик Сергей Марков в балладе «Норвежцы у Моржовца» написал:

Эрик! Уйдя далеко,
К бровям приложи ладонь;
Взгляни —
На вершине флагштока
Горит кремлевский огонь!

Для кого-то, как для балладного норвежского браконьера, огонь горел маняще, а для кого-то из реальных людей — зловеще.

В 1941—1945 годах Константин Коничев воевал сначала на Северо-Западе, потом — на Дальнем Востоке. В книге «От Карелии до Кореи» рассказал и о штабной работе, на которой «имел возможность читать военную и художественную литературу», и о том, как ходил в глубокую разведку, откуда рота вернулась с четырьмя пленными немцами, и о многом другом. На войне с Японией был корреспондентом армейской газеты. У демобилизованного в апреле 1946 года из армии офицера на груди сверкали ордена.

С 1946-го по 1951 год К. И. Коничев опять руководил писательской организацией. Поначалу, когда работа писательского начальника не оплачивалась, кормился за счет должности главного редактора областного издательства.

В 1947 году Государственная штатная комиссия при Совете Министров СССР утвердила штат нашего отделения СП в количестве 1,5 единицы. Ответственному секретарю положили — «с учетом некоторого повышения пайковых цен» — оклад в сумме 1700 рублей, секретарю-счетоводу — 410. За письмом из Государственной штатной комиссии последовало решение Архангельского облисполкома об увеличении на 1947 год ассигнований отделению Союза писателей по смете 1 «Зарплата» за счет уменьшения ассигнований по содержанию студии при Архангельском драматическом театре.

Пять-шесть членов Союза писателей — вроде бы много ли дел у шефа письменников?! По крайней мере, немало. Обсуждение с коллегами рукописей писателей, их книг, продвижение произведений в Москву, подготовка очередного номера альманаха «Север», связи с местными газетами, в которых далеко не всегда охотно принимали «нетленку» литераторов. А также попытки (небезуспешные) помочь товарищам по литературному цеху улучшить жилищные условия, установить в квартире телефон, даже приобрести зимние пальто и валенки (тут Коничеву помогало депутат-

ство в горсовете), литературные встречи с читателями, поиски на местах талантов — через литобъединения, а также подготовка к совещанию молодых литераторов, чтение написанного графоманами и ответы им. (Кто-то машинописный текст присылал, кто-то — рукописный, а почерк ужасный). И так далее. К примеру, надо было — по просьбе из Союза писателей СССР — помочь пройти литературную практику студенту Литературного института Юрию Трифонову. Не знание ли некоторое Севера Юрием Трифоновым способствовало в дальнейшем дружеским отношениям его с большим писателем Федором Абрамовым?

Как рассказала мне невестка К. И. Коничева Б. Б. Коничева, как депутат городского Совета Константин Иванович «заставил власть поставить памятник Петру Первому на Набережную, на законное место, где и раньше стоял, — его убрали с территории музея».

Берта Коничева пояснила, почему в Архангельске звали Коничева «дядей Костей» (он и сам так представлялся): «Потому что не старик, но и не ровесник многим коллегам, писателям и членам литактива». И еще из ее рассказа: «Он был ранен на войне, но не хромал, хотя иногда ходил с тростью, — это для солидности».

Когда Коничев брался помочь получить коллеге жилье получше, чем имелось, ссылаясь на Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 июля 1933 года; по этому документу члены Союза советских писателей приравнивались в отношении жилищных прав к научным работникам, поэтому на писателей распространялось действие Постановления ЦИК и СНК от 27 марта того же года об улучшении жилищных условий научных работников. То есть с 1933 года писатели имели право на дополнительную площадь в размере 20 квадратных метров. Прокуратура обязана была бдить за соблюдением жилищных прав членов Союза писателей. Права соблюдались неважно: жилья не хватало. Тем не менее, если говорить вообще о годах советской власти, архангельские писатели вплоть до рыночных отношений время от времени получали то самое жилье, о котором вздыхали.

Успевал Коничев и в командировки ездить. К примеру, в 1947 году побывал сначала в Риге (в январе ездил туда к дважды Герою Советского Союза, будущему ленинградцу А. О. Шабалину, результатом чего стала книжка «Мастер торпедного удара»), в июне — в Котлас, Великий Устюг и Сольвычегодск; один из результатов этой поездки — газетный очерк «Сталинский дом-музей в Сольвычегодске». В этом городке Сталин отбывал ссылку.

В ноябре 1947 года уполномоченный Литфонда Владимир Жилкин ходатайствовал перед своим московским начальством за Коничева о выделении ему в 1948 году 2000 рублей на творческую командировку на Северную Двину и ее притоки на сплав леса, срок поездки — 25 дней. Сравним: в 1947 году С. Г. Писахов получил от Литфонда — в связи с болезнью — те же 2000 рублей.

31 марта 1950 года «Правда Севера» опубликовала зарисовки Коничева «В селах каргопольских». Писатель Коничев корил председателя колхоза имени Сталина за «однoboкую полноту» его крепкого хозяйства — за то, что бездействовал красный уголок (его завалили семенами клевера и тимофеевки), за то, что не имелось никакой библиотечки. Хозяйственник повинился: «Литература у нас фондами не предусмотрена, а между тем тысяч пять рублей можно бы и на книги выделить». Этих слов Коничеву было недостаточно, он встретился с секретарем райкома партии и рассказал ему о том, что видел и слышал. «Как же я это прохлопал? — изумился собеседник. — Вот действительно однобокие! На книги денег жалеют. С этой стороны надо заняться колхозами. Надо!..»

В 1948 году у дважды орденоносной поморской сказительницы М. С. Крюковой была почему-то проблема с приобретением через местную потребкооперацию чая, саха-

ра и других продуктов. (Возможно, это связано с проблемами колхозной сторожихи Крюковой сдачи сельхозпродукции в счет налогов.) Пришлось Коничеву в очередной раз хлопотать за Марфу Семеновну. Посылка (ее «соорудили», по слову Коничева, писатели) в деревню Нижняя Зимняя Золотица не была лишней.

Теперь о графоманских опытах.

Ночь раскинулась шатром
Над полями, лугом,
Попрощался за бугром
Тракторист с подругой.

Слушай, Надя, надо вновь
Доказать бригаде,
Как трудом ведет любовь
К сталинской награде.

Или еще шедевр:

Завалим страну продуктом,
Приведем дела в ажур:
Больше хлеба, мяса, масла
И технических культур.

Или вот, не хуже:

Сталин дал нам свободу и жизнь,
Мы за Сталина в битве дрались.
С именем Сталина шли мы вперед,
Любит Сталина весь наш народ.

Трудно удержаться, чтобы не процитировать отрывок из поэмы «Счастливые», навечно вписанной в дело 33 Государственного архива Архангельской области:

...Советская
Мне власть как блин подмазанный,
Вкусна, полна, мила.

Это через четыре-то года после окончания войны?! Зачем автор выдумал счастливую деревню?..

На такую и подобную писанину отвечать необязательно, но если в рассказе или стихотворении талант проблескивает? Надо повозиться с автором, — а ну как не напрасно это будет?! И Коничев, личность «безмерного трудолюбия», по выражению Федора Абрамова, возилса.

Коничев, как мне представляется, — из людей, старавшихся служить литературе. Любил не только себя в литературе, но и литературу в себе. Эти слова могли бы подтвердить Иван Полуянов (тот самый, который в свое время критиковал своего шефа) и другие северные писатели. Точнее, и подтверждали. В очерке «Дядя Костя» Николай Кузьмич Жернаков рассказал, как однажды всю белую ночь гулял с Коничевым по набережной Северной Двины и по Соломбале — «аж до самой ее западной окраины», — они говорили о творчестве, о планах, о писателях.

В общем, свою зарплату К. И. Коничев оправдывал. К слову, должность его была не без особых благ, о чем свидетельствует, например, письмо ответственного секретаря от 20 ноября 1947 года в финансовую часть Союза писателей:

«Уважаемые товарищи!

Полгода тому назад с разрешения Министерства торговли (по вашему ходатайству) в Архангельском отделении ССП пользовались промтоварными лимитами (по 750 руб.) члены ССП Коничев и Крюкова М. С. Эти лимиты уже не действительны, Облторготдел выдает другие, но нам отказано, т. к. нужно разрешение Министерства торговли. Прошу Вас через Министерство торговли выслать в Архангельский Облторготдел соответствующее указание о выдаче промтоварных лимитов Коничеву и Крюковой».

Летом 1951 года на собрании писателей и литературного актива — буквально накануне своего отъезда в Ленинград — К. Коничев с твердой партийной позиции напомнил товарищам об историческом значении постановлений руководства партии по идеологическим вопросам — о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» и опере «Великая дружба» Ванно Мурадели. В частности:

«Постановления Центрального Комитета были чрезвычайно своевременны и необходимы. В нашей литературе стали появляться безыдейные, легкие, развлекательные произведения. Больше того, стали появляться в журналах „произведения“, грубо искажающие нашу советскую действительность, клеветующие на нашего советского человека, показывающие нашего советского человека обывателем, мелким себялюбцем».

Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» отменено только при Генеральном секретаре ЦК КПСС М. С. Горбачеве, в 1988 году.

Архангельские коллеги относились к своему бывшему шефу очень хорошо. 25 февраля 1964 года «Правда Севера» опубликовала заметку автора широко известной в Советском Союзе повести «Детство в Соломбале» Евгения Коковина «Наш дядя Костя». В связи с 60-летием Коничева Евгений Степанович желал ему «счастья, здоровья, таких же добрых, умных и бодрых книг, какие он нам уже подарил!»

Немногие из писателей-северян удостоены чести быть представленными в Краткой литературной энциклопедии, изданной в советское время. Коничев там есть.

В самом центре Архангельска, в доме на набережной, в котором жил К. И. Коничев, установлена мемориальная доска.